

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЖАНРЫ И СТИЛИ
ЛИТЕРАТУР
КИТАЯ И КОРЕИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1969

Л. С. САВИЦКИЙ

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIV—XVI вв.**

Данное сообщение написано в результате исследований в крупнейшем среди научных фондов мира собрании тибетских рукописей и ксилографов в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР и имеет предварительный характер.

I. Тибетскую литературу можно разделить на две группы: литература каноническая, буддийская, переведенная в основном с санскрита, и литература оригинальная, местная, испытавшая определенное влияние литературы канонической (возможно, сюда следует отнести и немногочисленные тибетские версии некоторых произведений индийской художественной литературы и фольклора)¹.

Местная литература делится на аутентичную, произведения которой часто представляют собой комментарии на произведения буддийского канона, и апокрифическую, названную так Уодделем и Востриковым², произведения которой именуются «найденные в земле книги из кладов» и «сокровенные книги».

В свою очередь апокрифическая литература состоит из апокрифов, являющихся подделками под канонические произведения (чаще всего под тантры и мантры), и апокрифов агиографического содержания, обладающих рядом характерных особенностей:

а) произведение (сборник) не входит в тибетский буддийский канон, хотя оно и может приписываться автору, настоящие произведения которого (или по крайней мере те, авторство которых приписано ему более ранней традицией) находятся в каноне;

¹ G. N. Roerich, *The Story of Rāma in Tibet*. — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. V, М., 1963, стр. 184—189.

² L. A. Waddell, *The Buddhism of Tibet or Lamaism*, London, 1934, стр. 165—167; А. И. Востриков, *Тибетская историческая литература*, М., 1962, стр. 24, 25.

б) произведение обычно посвящено жизни и деятельности определенного исторического лица (иногда — нескольких лиц) и наполнено различными легендарными сведениями и событиями;

в) автором в колофоне называется лицо, которому посвящено само произведение; иногда сообщается, что оно создано на основе высказываний этого лица кем-либо из его соратников или современников;

г) литературно-историческая традиция, ведущая свое начало от сообщений колофонов, объявляет, что сочинение «открыто», «найдено» кладоискателем, но дата события дается не всегда (или же указывается название года 60-летнего цикла без порядкового номера самого цикла); эта же традиция может упоминать ту дату «написания» произведения, которая часто приходится на время жизни «автора» и главного действующего лица, жившего обычно значительно ранее действительного создания.

Разумеется, часто оба вида апокрифических произведений существуют в смешанной форме: в некоторых из апокрифов агнографического содержания имеются подделки под канонические произведения.

II. Возникновение агнографической литературы в Тибете следует связывать с политической задачей объединения отдельных разрозненных тибетских государств в единое и мощное царство, каким оно было уже при царе Сронгцзан-гампо (617—649). Развал царства Сронгцзан-гампо произошел после убийства царя Ландармы в 842 г.

После этого распада самым сильным тибетским царством стало государство Гугэ (Западный Тибет), правители которого стремились к новому объединению Тибета, разумеется, при условии собственной гегемонии. Пригласив из индийского монастыря Викрамашила крупнейшего ученого и монаха Дипанкарашриджняна (982—1054), получившего в Тибете имя Атиша, правители Гугэ тем самым стремились использовать в своих целях возрождение и оживление буддизма, связанное с появлением индийского пандита.

Естественно предположить, что правители тибетских царств, особенно упорно боровшихся между собой за объединение страны под своей властью в X—XII вв., не могли не действовать во благо в глазах современников жизни и деятельности царя Сронгцзан-гампо и не могли не восхвалять былое могущество и славу единого и сильного Тибета. Интерес к личности этого царя настолько возрастает, что некий Зарава (ум. в 1207 г.) объявил, что в одном из своих прошлых перерождений он якобы был царем Сронгцзан-гампо³. Несомненно, что именно в это время личность этого

³ G. N. Roerich, *The Blue Annals*, т. II, Calcutta, 1953, стр. 656.

царя становится легендарной, а жизнь его обрастает фактами часто фантастическими. Это не могло не создать благодатную почву для появления произведений агнографического характера. Но до нас не дошли ранние сочинения этого плана.

Единственная известная нам версия тибетской хроники Ба Шед, созданная, видимо, в XII—XIII вв. в среде секты Кадам-па и изданная в Париже в 1961 г., упоминает некое «Завещание» царя Сронгцзан-гампо⁴. Трудно предположить, что имеется в виду произведение «Завещание, найденное у колонны», созданное, как показал Востриков⁵, не ранее XIII—XIV вв. и авторство которого колофон приписывает самому Сронгцзан-гампо. Так же трудно предположить, что эта версия Ба Шед имеет в виду якобы предсмертное завещание царя Сронгцзан-гампо тибетскому народу, находящееся в агнографическом сборнике «Мани-кабум» (другое название — «Собрание творений Сронгцзан-гампо»), потому что он был создан только в XV—XVI вв.⁶ В самом деле, трудно допустить, что царь, умерший тридцати двух лет, мог заблаговременно составить завещание, хотя позднейшие тибетские источники (и в первую очередь названные выше) сообщают о его смерти в возрасте восьмидесяти лет и успешном составлении завещания.

Таким образом, можно предполагать, что уже в XII—XIII вв. существовало произведение, которое выдавалось за подлинное завещание Сронгцзан-гампо. Интересно, что в сочинении «Тан-ций Дод-чин Тер-бум», написанном Лхаван-лодой в 1592 г., сообщается о существовании некоего «Завещания» царя Сронгцзан-гампо. Лхаван-лодой придерживался того же мнения относительно даты нирваны Шакьямуни (XXV—XXII вв. до н. э.), что и секта Сакья-па, основанная в середине XI в. и бывшая, как известно, уже в XII в. главной силой теократического феодализма в Тибете⁷. Вполне вероятно, что именно здесь (в монастыре Сакья) и было создано в XII—XIII вв. «Завещание» царя Сронгцзан-гампо.

Все это дает основания считать, что первые произведения агнографического жанра в Тибете были посвящены жизни и деятельности именно царя Сронгцзан-гампо. Они появились в X—XII вв. и носили, возможно, светский характер (или имели преобладание светских элементов над религиозными), так как буддизм в то время играл явно служебную политиче-

⁴ R. A. Stein, *Une chronique ancienne de bSam-yas: sBa-bzed*, Paris, 1961, стр. 1.

⁵ А. И. Востриков, *Тибетская историческая литература*, стр. 25—29.

⁶ Там же, стр. 45.

⁷ E. Schlagintweit, *Die Berechnung der Lehre*, München, 1897, стр. 662.

скую роль. Буддийские деятели могли только поддерживать возвеличивание Сронгцзан-гампо, потому что он оказывал большое содействие первоначальному распространению буддизма.

Позднее, в XIII в., когда в борьбу за светскую власть вступили буддийские секты Тибета, которые в силу этого стремились создать свой олимп святых, легендарный образ царя Сронгцзан-гампо был использован для создания произведений с преобладанием религиозного содержания. Видимо, именно сюда следует отнести «Завещание» этого царя, созданное в XII—XIII вв. История литературы дает ряд примеров подобного превращения. Например, материалом для создания «Жития Александра Невского» послужила воинская повесть.

До нас дошли только жития, созданные в XIV—XVI вв. и во многом проникнутые духом буддийского учения. Разумеется, в XIII—XIV вв. в буддийских кругах рождались и житийные произведения, возвеличивавшие различных буддийских деятелей (например, Падмасамбхаву, жившего в VIII в., основателя тибетского тантрического буддизма). Тем самым эти сочинения помогали борьбе со светской властью.

III. Традиция обнаружения «сокровенных книг» — своеобразная особенность первоначального процесса развития тибетской литературы. Истоки этой традиции восходят к деятельности членов секты Ньингма-па, главное течение которой, известное под названием «Традиция древних переводов мантр», было основано в 1062 г. учениками Атиши. Деятели этой секты почти регулярно «открывали» клады с якобы древними тантрами и мантрами, о чем неоднократно сообщают тибетские историки. Если вначале, в XI—XII вв., они могли находить настоящие фрагменты буддийских рукописей и целые свитки на санскрите или древних языках Центральной Азии, которые действительно могли быть спрятаны во время тех или иных преследований буддистов, то с течением времени трудности перевода и трактовки заставили «находить» фрагменты и целые рукописи уже на тибетском языке.

Эта практика опиралась на весьма авторитетный прецедент: деятельность основателя системы Мадхьямика Нагарджуны (I—II вв.), объявившего, что эта система была создана буддой Шакьямуни, который спрятал сочинения с изложением ее у водяных драконов (Нагов) для сохранения до тех пор, пока люди не будут достаточно просвещенными, чтобы понять всю глубину этого основного учения северного буддизма.

В среде секты Ньингма-па во второй половине XIV в. были «открыты» кладоискателем Урджанлинпа два выдающихся памятника: «Сказания Падмы», стихотворное житие Пад-

масамбхавы (VIII в.), прибывшего в Тибет из Индии и основавшего тантрическое течение в тибетском буддизме, прямое отношение к которому имела секта Ньингма-па (о более ранних житиях Падмасамбхавы, в том числе и о его якобы собственном завещании, сохранились только упоминания); «Пять сказаний», сборник из пяти сочинений, рассказывающих соответственно о богах и бесах, о царях VII—IX вв., которые покровительствовали Падмасамбхаве и его учению, о царицах этой же эпохи, о переводчиках и пандитах, где восхваляется деятельность индийских и тибетских переводчиков канона и прославляются Наропа (VII в.), Падмасамбхава, Ринчен-зангпо, Атиша и Бром-тонпа (XI в.).

Автор «Пяти сказаний» был хорошо знаком с историческими источниками, так как исследователи отмечали совпадения с сообщениями тибетских документов VIII—X вв. Тем не менее и здесь легендарность и дидактичность во многом преобладают над материалом историческим. Можно предположить, что с этого произведения начиналась та линия развития тибетской литературы, которая, будь она продолжена в последующие века, привела бы в конце концов к появлению сочинений с преобладанием художественных достоинств и минимумом религиозного содержания. Но усиление борьбы буддийских сект Тибета за гегемонию в XIV—XV вв. помешало этому естественному процессу развития литературы и ограничило его созданием ряда произведений житийного характера, самым непосредственным образом связанных с этой борьбой.

Следующие жития родились в кругах, видимо близких сектам Кадам-па и Гелуг-па:

«Завещание, найденное у колонны», объявляющее себя заветом царя Сронгцзан-гампо и по содержанию — жития бодхисатвы Авалокитешвары, земным воплощением которого и объявляется этот царь;

«Мани-кабум» (другое название: «Собрание творений Сронгцзан-гампо») — жития Авалокитешвары и деяния Сронгцзан-гампо (есть и еще одно завещание этого царя всему тибетскому народу);

«Сказания — золотые четки» — прозаический вариант стихотворного «Сказания Падмы».

Эти пять произведений были впервые объединены в группу апокрифов А. И. Востриковым⁸. Все они созданы в XIV—XVI вв., но мы не имеем пока других, более ранних образцов житийного жанра.

IV. Как показали исследования, проведенные в тибетском

⁸ А. И. Востриков, Тибетская историческая литература, стр. 24—46.

фонде ЛО ИНА, состав этой группы может быть увеличен по крайней мере на два апокрифических сборника, созданных в среде секты Гелуг-па в этот же период, т. е. в XIV—XVI вв.

К этой группе апокрифов, возможно, следует отнести сборник «Голубые книги Потобы»⁹, состоящий из четырех произведений. Первое сочинение выдается за изложение многочисленных выступлений Потобы (XI в.), крупного деятеля секты «Старая Кадам-па». Авторство остальных приписано соответственно Долпа Шейрап-джамцо (XI в.), Шейрап-дордже (XII в.) и Палдан Ешею (XIV в.). Наибольший интерес представляет последнее произведение, кратко излагающее 105 различных рассказов, притч и т. д. с нравоучительной окраской, призванных иллюстрировать те или иные положения учения этой секты.

Сюжеты этих рассказов весьма разнообразны, так как источниками их послужили сутры канона, Джатакамала поэта Арья Шуры, Дзанлун (букв.: «Мудрый и глупец»), тибетские версии индийских «25 рассказов Веталы» и «Сказок попугая». Ряд сюжетов имеет явно фольклорное происхождение. Интересно, что один рассказ, судя по всему, попав в Монголию (сборник был переведен на монгольский язык) и претерпев ряд любопытных трансформаций, в наше время является уже монгольской народной сказкой.

Следующим членом группы вполне определенно можно назвать сборник «Книга секты Кадам-па» («Кадам-легбам»), авторство которого приписано Атише и его тибетскому ученику Бром-тонпе (XI в.)¹⁰. Время создания сборника (как, надеюсь, мне удалось доказать)¹¹ — 70—90-е годы XV в., когда секта Гелуг-па развертывала борьбу за власть. Прославление Атиши и Бром-тонпы, основателей «Старой Кадам-па», должно было помочь «Новой секте Кадам-па» («Гелуг-па»), созданной Цзонхавой в начале XV в., в ее борьбе, окончившейся полной победой в XVII в.

V. Знакомство с семью произведениями, составляющими группу выдающихся памятников тибетской литературы, показывает, что все они в большей или меньшей степени ставят себе определенные публицистические задачи, вытекающие из желания буддийских сект овладеть религиозной и светской властью.

⁹ Тибетский фонд ЛО ИНА, коллекция Барадийна, № 52, т. I—III, изд. монастыря Лавран. Сборник не имеет общего титульного листа и названия. В тибетской литературе известен как «Бебум-нгон-по».

¹⁰ Тибетский фонд ЛО ИНА, Nova, В-2773 — В-2777, издание монастыря Ташильхунпо. Общее название также отсутствует.

¹¹ Л. С. Савицкий, Тибетский апокрифический сборник «Книга секты Кадам-па» («Кадам-легбам») и время его написания, — «Письменные памятники и проблемы истории народов Востока» (Тезисы докладов 1-й годичной научной сессии ЛО ИНА), Л., 1965, стр. 11, 12.

Особенно четко политические задачи и требования повлияли на сочинения «Голубая книга Потобы» и «Книга секты Кадам-па». Создание их было необходимо секте Гелуг-па для того, чтобы приписать Атише, Бром-тонпе и Потобе, своим великим предшественникам, нужные высказывания по ряду дисциплин, в том числе и по «ступеням пути спасения» («лам-риму»), важнейшей части учения Гелуг-па, наиболее полно разработанной Цзонхавой и его учениками в XV в. Кроме того, это давало возможность соответственным образом комментировать положения сочинений Атиши, являющихся составной частью буддийского канона.

Входящее в сборник «Книга секты Кадам-па» сочинение «Книга Отца» («Па-чхой»), якобы написанное Атишей, должно было авторитетно подтвердить утверждение секты Гелуг-па, что она является сектой, объединяющей все три традиции передачи Учения, ранее передававшиеся отдельно сектами Кадам-па, Сакья-па и Каджуд-па. Это, безусловно сыграло большую роль в успешной борьбе Гелуг-па за власть, так как ставило под сомнение целесообразность существования других сект.

Тибетские жития, кроме того, имеют существенные и характерные черты, связанные с содержанием: происхождение святого от благочестивых (буддистов или иноверцев) и знатных родителей, ранняя склонность к изучению основ буддизма, пренебрежение к сладостям земной жизни и уход в нирвану.

VI. Архитектоника этих произведений зависит от двух условий: от степени развития самого жанра и от содержания, диктуемого задачами и требованиями, стоящими перед действительным автором.

Это выражается, например, в композиционном построении самого сборника и отдельных произведений в нем, причем композиция сборников и произведений отличается логичностью и четкостью построения и взаимосвязью. Так, если композиция «Сказаний Падмы» страдает расплывчатостью, отсутствием четкого деления на главы (по содержанию), то позднейшие произведения имеют более четкое построение. Например, на первом месте в сборнике «Книга секты Кадам-па» находится небольшое сочинение, которое входит в канон и, видимо, на самом деле принадлежит Атише. Затем (под таким же названием) идет произведение, кратко именуемое «Книга Отца», автором которого тоже объявляется Атиша, хотя в действительности оно написано не ранее середины XV в. Второе сочинение — развернутый комментарий первого.

Если в житии «Сказания Падмы» биографические сведения о Падмасамбхаве разбросаны по всему произведению, то в сборнике «Книга секты Кадам-па» уже есть отдельное про-

изведение — биография Атиши. Кроме того, в составе позднейших житий (Мани-кабум и «Книга секты Кадам-па») имеются произведения — сборники джатак о перерождениях своих героев, обладающие формой «обрамленных» повестей, что находит свое выражение в рамочной композиции сборников и в логической и художественной законченности каждой джатаки. Эти джатаки, как и канонические, состоят из следующих основных частей:

- 1) рассказ о настоящем, обрамляющий джатаку;
- 2) рассказ о прошлом, который служит ядром джатаки, раскрывающим ее основное содержание;
- 3) сентенция, излагающая мораль джатаки;
- 4) объяснение этой сентенции;
- 5) отождествление действующих лиц джатаки с героями всего сочинения, их учениками и противниками.

Появление в поздних житиях сборников джатак, посвященных тибетцам, следует объяснить как влиянием соответствующих образцов канонической литературы, переведенной с санскрита, так и ростом самосознания тибетского духовенства, мыслившего себя солидной и влиятельной организацией в Тибете XV—XVI вв. и желавшего получить основные позиции в жизни страны, для чего и надо было возвеличить предшественников (надо отметить, что сборники джатак до этого, как известно, посвящались только самому Будде). Помимо того, создание, например, сборника джатак «Книга Сына» («Бу-чхой») о перерождениях тибетца Бром-тонпы должно было помочь росту национально-патриотических тенденций во взглядах на развитие тибетской истории и истории буддизма в Тибете.

VII. В тибетских житиях часты диалогическая речь и монологи. Например, «Книга Отца» — беседа Атиши с учениками. «Книга Сына» — рассказ Атиши о двадцати двух перерождениях своего ученика Бром-тонпы. Изложение часто имеет элементы украшенного риторического стиля с большой долей назидательности.

VIII. Изучение языка агиографических произведений показывает, что по сравнению с языком других сочинений тибетских авторов XIV—XVI вв. он более прост, более доступен; по целому ряду признаков видно, что он был письменным литературным языком своей эпохи, сохранившим прочную связь с языком разговорным, так как создавались эти жития для широкого распространения среди верующих.

IX. Значительная связь житийной литературы Тибета XIV—XVI вв. с фольклором имеет двусторонний характер и влияние. Многие мотивы и сюжеты можно встретить в современных тибетских и монгольских сборниках сказок. Разумеется, какие-либо параллели следует проводить весьма осто-

рожно, но тем не менее подобные выводы вполне правомерны. В качестве примера можно назвать историю женитьбы царя Сронгцан-гампо на китайской принцессе из сборника Мани-кабум, которая уже на правах народной сказки входит в состав книги «Сказки народов Китая»¹². Правда, неизвестно, откуда попала эта история в Мани-кабум, но нельзя исключить возможность использования авторами (или автором) фольклорных заимствований.

Интересны три следующих варианта одного сюжета, даваемые в кратком изложении.

Из «Голубых книг Потобы». Когда-то некий царь Де Чод правил в богатом государстве; плохо следовавшем Учению (т. е. буддизму). Однажды, сидя на троне и держа в руках серебряные чаши с рисом и вином, повелел царь волшебнику Занг-по развлечь его волшебством, что тот и сделал с помощью волшебного коня, который занес свою царственную иношу на остров, где жили старик, старуха и их хорошенькая дочь. Царь, не видя возможности выбраться из этого пустынного места, женился на этой девушке. Жена родила ему двух мальчиков и девочку. Как-то теща пошла купаться и утонула. Тесть вонзил в себя стрелу. Жена, узнав это, бросилась в море. Дети тоже погибли. Царь, почти потеряв рассудок от горя, побежал дальше от моря... и увидел себя на троне. В руках — серебряные чаши с рисом и вином. Он понял, что вся эта история — результат волшебства, что окружающий мир — иллюзия, и стал вести праведный образ жизни¹³.

В сборнике «Монгольские сказки» есть следующая сказка.

Когда-то давно один хан, который никогда не страдал и был очень жесток, приказал старому волшебнику развлечь его волшебством. Волшебник попросил хана поставить чашку с чаем у трона и выйти за дверь. Там хан увидел прекрасного вороного коня, сел на него и вскоре очутился в пустынной безводной степи. Воду хан пил из луж, а питался саранчой и кузнечиками. Однажды встретил он усталую женщину с двумя мальчиками. Мать рассказала, что все свое имущество отдала ханским сборщикам. Весной один мальчик заболел и умер. Хану стало жаль его, и он горько заплакал. Неожиданно хан увидел себя на троне. Чай в чашке еще не успел остыть. И хан понял, что все случившееся с ним — мираж. «Видишь, хан, как много на земле людей, обиженных тобой», — сказал старый волшебник и удалился¹⁴.

Рассказ из сборника «Книга секты Кадам-па». Когда-то волшебник Ла Занг предложил своему другу, домохозяину

¹² «Сказки народов Китая», М., 1961, стр. 139—144.

¹³ Тибетский фонд, коллекция Барадийна, № 52, т. III, лл. 128-6⁵—129-6³.

¹⁴ «Монгольские сказки», М., 1961, стр. 5—6.

Палу, обучиться волшебству. Тот отказался, сказав, что вот коня он бы принял. Тогда Ла Занг привел прекрасного коня и предложил обменять его на нитки, которые Пал сучил у дверей своего дома. Пал согласился и сел на коня прокатиться. Конь оказался волшебным и помчался с невероятной быстротой. Уже вечером Пал в одном пустынном месте увидел дом, где жила старуха с дочерью, на которой он и женился. Прошло много лет. У Пала были два сына и дочь. Однажды он сидел с ними на берегу реки. Сыновья пошли купаться и утонули, а дочь утащил тигр. Жена с горя утопилась. Пал рухнул на землю без чувств. Потом побежал, не зная куда и зачем... И вдруг очутился перед прежним домом. Он ничего не понял, но по совету старой жены осмотрелся и увидел около себя нитки, которые он когда-то обменял на коня. Сомнения Пала рассеял волшебник Ла Занг, объяснивший, что коня не было, а все явления мира ложны, т. е. подобны миражу. Нет ничего истинного, а страдания человеческие подобны этому приключению, которого не было¹⁵.

Вряд ли можно сомневаться в том, что эти варианты имеют общее происхождение. Но еще не представляется возможным выяснить, откуда эти рассказы могли попасть в сборники «Голубые книги Потобы» и «Книга секты Кадам-па».

Приведенные выше примеры показывают тесную связь тибетского фольклора и литературы, особенно ее двусторонний характер.

Данная работа — попытка выделить среди официальных произведений тибетской литературы те, которые могут быть отнесены к разряду оригинальных художественных сочинений, обладающих качествами псевдоэпиграфов и агиографических памятников.

Кроме того, это — попытка выяснить, хотя бы в общих чертах, некоторые вопросы возникновения художественной литературы Тибета.

---

¹⁵ Тибетский фонд, Nova, B-2773, стр. 86-6⁵—88-6⁵.